
CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

САМНЕР У.Г. НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ (Избранные фрагменты).
(Перевод с англ.)¹

Ключевые слова: народные обычаи; нравы; традиция; мы-группа (ин-группа); они-группа (аут-группа); этноцентризм; патриотизм; шовинизм; борьба за существование; конкуренция; комбинация; антагонистическое сотрудничество; голод, любовь; честолюбие; страх.

Для цитирования: Самнер У.Г. Народные обычаи (Избранные фрагменты) / пер. с англ. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 2. – С. 135–154.

Перевод поступил: 15.01.2025.

Принят к публикации: 22.01.2025.

SUMNER W.G. Folkways (Selected fragments). (Translated from English)

Keywords: folkways; mores; tradition; we-group (in-group); others-group (out-group); ethnocentrism; patriotism; chauvinism; struggle for existence; competition; combination; antagonistic cooperation; hunger; love; vanity; fear.

For citation: Sumner W.G. Folkways (Selected fragments). Translated from English by V.G. Nikolaev. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2025. – N 2. – P. 135–154.

¹ Перевод сделан по: Sumner W.G. Folkways: a study of the sociological importance of usages, manners, customs, mores, and morals. – Boston: Ginn & Company, 1906. – P. 2–8, 8–9, 11–20.

Received: 15.01.2025.

Accepted: 22.01.2025.

От переводчика. Уильям Грэм Самнер (1840–1910) – американский социолог, консервативный мыслитель, экономист, публицист, один из основоположников американской социологии. Его наследие включает более двух десятков книг, брошюр, сборников очерков. Наибольшее значение для социологии имела его книга «Народные обычаи», изданная в 1906 г., в которой была введена целая серия понятий, получивших позже широкое хождение: «народные обычаи» (folkways), «нравы» (mores), «мы-группа», «они-группа», «этноцентризм» и др. В книге 20 глав. Они строятся на обширных классифицированных этнографических материалах и охватывают широчайший круг тем: трудовые и хозяйственные обычаи и практики, рабство, социальные кодексы, институты брака и родства, половые нравы, аборт, инфантицид, каннибализм, инцест, кровную месть, правосудие, нечистоту и зло, обычаи воспитания, развлечения, искусства, аскетизм и т.д. Методичное рассмотрение этих тем сопровождается обобщениями и интерпретациями. Хотя ключевые понятия и принципы социологии так или иначе затрагиваются во всех главах книги, наиболее полно и развернуто они представлены в первых двух, особенно в первой. Вниманию читателя предлагается подборка параграфов из этих двух глав. На русский язык книга ранее не переводилась.

Глава 1. Фундаментальные понятия народных обычаев и нравов

Определение народных обычаев и их происхождение. Если сложить все, что мы узнали из антропологии и этнографии о примитивных людях и примитивном обществе, то станет ясно, что первая жизненная задача состоит в том, чтобы жить. Люди начинают с действий, а не с мыслей. Каждое мгновение несет потребности, которые должны быть сразу удовлетворены. Прежде ощущалась нужда, а за ней сразу следовала неловкая попытка ее удовлетворить. Обычно принимается на веру, что некоторые из руководящих ими инстинктов люди унаследовали от своих диких предков, и, может быть, так оно и есть, хотя никто этого еще не доказал. Если такие наследственные свойства действительно были, то именно они управляли первыми попытками удовлетворения нужд и оказывали им содействие. Аналогия позволяет с легкостью

предположить, что способы поведения зверей создали те каналы привычек и предрасположений, в русло которых легко укладывались навыки и другие психофизические активности. Эксперименты с новорожденными животными показывают, что в отсутствие опыта, связывающего средства и цели, попытки удовлетворения потребностей неуклюжи и слепы. Это метод проб и ошибок, постоянно несущий страдания, потери и разочарования. Тем не менее это метод грубого эксперимента и отбора. Вначале усилия человека были такого рода. Движущей силой была нужда. Удовольствия и страдания, с одной стороны и с другой, задавали примерные ограничения, определявшие траекторию его усилий. Способность различать удовольствие и страдание – единственная психическая сила, которую следует допустить. Так отбирались выгодные способы действия. Они лучше соответствовали цели, чем другие, требовали меньше труда и мучений. В том русле, в котором вынуждены были разворачиваться усилия, развивались привычка, рутина и навык. Борьба за сохранение существования велась индивидуально, но в группах. Каждый извлекал выгоду из опыта другого; следовательно, происходило согласование в сторону того, что оказывалось наиболее целесообразным. В конце концов все принимали один и тот же способ действий для достижения одной и той же цели; тем самым способы действий превращались в обычаи и становились массовыми феноменами. В связке с ними развивались инстинкты. Так возникают народные обычаи. Молодежь усваивает их благодаря традиции, подражанию и авторитету. Народные обычаи везде и всюду обеспечивают все жизненные потребности. Они единообразны, универсальны для группы, императивны и неизменны. Со временем обычаи становятся все более и более деспотичными, позитивными и императивными. Если спросить дикаря, почему он в том или ином случае действует так-то, он неизменно отвечает, что поступает так потому, что он всегда так делал и так всегда делали его предки. Из страха перед духами рождается санкция. Духи и предки были бы рассержены, если бы живущие изменили древние народные обычаи (см. § 6).

2. Народные обычаи как социетальная сила. Операция создания народных обычаев состоит в частом повторении небольших актов, часто большим числом людей, действующих согласованно или, по крайней мере, действующих одинаково при столкновении с одной и той же потребностью. Непосредственным мотивом является интерес. Он производит привычку у индивида и обычаи в группе. Он, следовательно, в высшей степени изначален и элемен-

тарен. Через привычку и обычай он оказывает давление на каждого индивида, находящегося в сфере его влияния; следовательно, он вырастает до уровня социетальной силы, определяющей широкие классы общественных явлений. Можно изучить его ранние стадии, ход его развития и его законы, а также его влияние на индивидов и их реакцию на него. Это и есть цель нашего исследования. Мы должны признать интерес одной из главных сил, благодаря которым общество становится тем, что оно есть. Из неосознанного эксперимента, заключенного в каждом повторении действий, проистекают удовольствие или страдание, а затем, поскольку люди способны к рефлексии, вырастает убеждение, что эти виды действий способствуют общественному благополучию. Опыт удовольствия и опыт страдания неравноценны. Самые нецивилизованные люди как при поисках пропитания, так и на войне делают то, что приносит им страдания, но было сочтено целесообразным. Эти случаи учат человека чувствовать общественное благо, пожалуй, лучше, чем те, при которых действие приятно и способствует благополучию. Ведь они требуют разумного осмысления опыта. Когда к народным обычаям добавляется эта уверенность в их связи с благополучием, они превращаются в нравы (*mores*), а благодаря добавлению к ним философского или этического элемента они обретают полезность и важность, становясь источником науки и искусства жизни.

3. Народные обычаи создаются неосознанно. Прежде всего важно заметить, что среди первых действий, посредством которых люди пытаются удовлетворять потребности, каждый акт стоит особняком и не ищет ничего, кроме непосредственного удовлетворения. Из повторяющихся потребностей возникают привычки индивида и обычаи группы, но эти последствия никогда не были ни сознательными, ни заранее предусмотренными, ни преднамеренными. Они не замечаются до тех пор, пока не оказываются уже долгое время существующими, и проходит еще много времени, прежде чем их можно будет оценить. Далее требуется еще много времени и достижение более высокого уровня умственного развития, чтобы они смогли составить основу для выведения правил решения в будущем тех проблем, давление которых можно предвидеть. Народные обычаи, следовательно, не творение человеческих умыслов, не плод человеческой изобретательности. Они сродни продуктам природных сил, неосознанно приведенных в действие человеком; они подобны инстинктивным способам поведения животных, которые развиваются из опыта, достигают в ко-

нечной форме максимальной адаптации к интересу, передаются по традиции и не допускают никаких исключений, никаких вариаций, хотя и меняются для приспособления к новым условиям, делая это в рамках тех же ограниченных методов, без всякой рациональной рефлексии и цели. Выходит, что вся жизнь человеческая во все времена и на всех ступенях культуры управляется прежде всего огромной массой народных обычаев, унаследованных от самых ранних начал существования человеческого рода, соприродных способам поведения иных животных, лишь на самых поверхностных уровнях поддающихся изменению и контролю и в какой-то мере преобразенных человеческой философией, этикой и религией или иными актами разумной рефлексии. Нам говорят о дикарях, что «трудно составить исчерпывающий список обычаев и мелких церемониальных обыкновений дикарского народа. Обычай регулирует весь круг человеческих действий – как он моется, умывается, стрижет волосы, ест, пьет, голодает. От колыбели и до гробовой доски он раб древнего обычая. В его жизни нет ничего свободного, ничего оригинального, ничего спонтанного, никакого прогресса в сторону высшей и лучшей жизни, никакой попытки улучшить свое положение в умственном, моральном или духовном отношении»¹. Все люди действуют таким образом, и степень произвольных отклонений крайне незначительна.

4. Импульс и инстинкт. Изначальная глупость. Магия. «Нравы (*Sitten*) покоятся на чувствах удовольствия или страдания, которые либо напрямую производят действия, либо вызывают желания, становящиеся причинами действия»². «Импульс – не атрибут живых существ, как инстинкт. Единственным явлением, к которому относится импульс, является то, что люди и другие животные подражают тому, что они видят делающими других, особенно своего вида, и то, что они осуществляют это подражание тем легче, чем чаще их предки практиковали этот же самый акт. То, чему подражают, следовательно, должно уже существовать и не может быть объяснено как импульс». «Как только инстинкт перестал быть единственным правителем живых существ, включая зарождающегося человека, последний должен был делать ошибки

¹ MacDonald J. Manners, customs, superstitions, and religions of South African tribes // Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. – 1891. – Vol. 20, N 2. – P. 140.

² Lazarus M. Ueber den Ursprung der Sitten // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. – 1860. – Bd. 1. – S. 452.

в борьбе за существование, которые скоро завершили бы его карьеру, не будь у него инстинкта и подражания существующему, которые направляли его. Эта человеческая изначальная глупость – конечная основа религии и искусства, ибо они возникают без всякого промежутка из магии, которая становится непосредственным следствием борьбы за существование, когда выходит за пределы инстинкта». «Если нам нужно определить истоки одежды, если нам нужно определить социальные отношения и достижения, например происхождение брака, войны, земледелия, скотоводства и т.д., если мы хотим провести исследования души природных народов, – то мы всегда должны проходить через магию и веру в магию. У того, кто слаб в магии, например у ритуально нечистого человека, “плохое тело”, и он не достигает успеха. Примитивные люди, с другой стороны, достигают успеха с помощью своей магической силы и магических приготовлений, становясь тем самым “благородными и достойными”. Для них нет другой нравственности [нежели этот успех]. Даже технические шноровки определенно не были свободными от влияния веры в магию»¹.

5. Тяга к совершенствованию и согласованности. Народные обычаи как способы удовлетворения потребностей преуспевали лучше или хуже и, следовательно, порождали больше или меньше удовольствия или страдания. Их качество всегда заключалось в их приспособлении к цели. Если они были несовершенны к ней приспособлены и безуспешны, то причиняли страдание, и это будило людей учиться действовать лучше. Следовательно, народные обычаи (1) подчинены тяге к совершенствованию в направлении лучшего приспособления средств к целям до тех пор, пока приспособление остается несовершенным и причиняет страдания. Также они (2) подчинены тяге к согласованности друг с другом, поскольку все они соответствуют своим целям с меньшими трениями и антагонизмами, если помогают друг другу и взаимно друг друга поддерживают. Формы промышленности, формы семьи, представления о собственности, конструкции прав, типы религии – все они проявляют тягу к согласованию друг с другом на протяжении всей истории цивилизации. Два великих культурных подразделения человеческого рода – восточное и западное. Каждое внутренне согласованно; в каждом есть своя философия и собственный дух; их разделяют от вершины до основания разные нравы, разные

¹ Preuss K.Th. Der Ursprung der Religion und Kunst // Globus. Illustrierte Zeitschrift für Länder- und Völkerkunde. – 1905. – Bd. 87, N 24. – S. 419.

точки зрения, разные обычаи и разные представления о том, какие общественное устройство предпочтительно. Своим контрастом они удерживают перед нашим умственным взором возможный диапазон расхождения в решении великих проблем человеческой жизни и во взглядах на земное существование, которыми может контролироваться жизненная политика. Даже если бы две планеты соединились в одной, их обитатели не могли бы разойтись больше во взглядах на то, к чему лучше всего стремиться или какие обычаи наиболее целесообразны для благополучной жизни.

6. Алеаторный интерес. Если бы мы попытались найти образцовое общество, в котором целесообразные способы удовлетворения потребностей и интересов были найдены путем проб и ошибок и путем длительного отбора из опыта, как мы его в целом описали выше в § 1, то, может быть, оказалось бы невозможно такое отыскать. Такая практическая и утилитарная модель процедуры, даже будучи смешанной с духовной санкцией, рационалистична. Она не подошла бы к обычаям и темпераменту примитивных людей. В самом элементарном опыте присутствовал элемент, который был иррациональным и противостоял любым целесообразным методам. Можно использовать с величайшей тщательностью самые известные средства и все же не получить результата. С другой стороны, можно получить блестящий результат, вообще не прилагая усилий. Можно также навлечь бедствие без малейшей ошибки со своей стороны. Это был алеаторный элемент жизни, элемент риска и потери, удачи или неудачи. Этот элемент никогда не исчезает из человеческих дел. Он существенно повлиял на их жизненную философию и политику. С одной стороны, удача может означать получение чего-то из ничего, крайний случай процветания и счастья. С другой стороны, неудача может означать провал, потерю, бедствие и разочарование вопреки самым добросовестным и хорошо спланированным усилиям. Людские умы всегда больше залипают на неудаче. Обычное процветание воспринимается ими как само собой разумеющееся. Неудачи же приковывают их внимание и остаются в памяти. Следовательно, жизненные невзгоды – это способ проявления алеаторного элемента, больше всего повлиявший на жизненную политику. Примитивные люди относили все случайности на счет вмешательства либо людей, либо призраков и духов. Удача и неудача приписывались сверхъестественным силам и, как считалось, были обусловлены тем, довольны или недовольны последние поведением людей. Эта группа представлений образует гоблинизм. В ней предлагается

завершенная философия мира. Элемент удачи всегда присутствует в борьбе за существование. Вот почему примитивные люди никогда не могли вести борьбу за существование, пренебрегая алеаторным элементом и используя один лишь утилитарный метод. Алеаторный элемент всегда был связующим звеном между борьбой за существование и религией. Только религиозными обрядами алеаторный элемент, заключенный в борьбе за существование, мог контролироваться. Представления о духах, демонах, ином мире и т.д. были всецело фантастическими. Им недоставало какой-либо связи с фактами; они были произвольными построениями, накладываемыми на опыт. Они были поэтичными и развивались путем поэтического построения и воображаемой дедукции. Нексус между ними и событиями не был причинно-следственной связью, он был магическим. Следовательно, они вели к обманчивым выводам в отношении жизни и ее смысла, и эти выводы вторгались в последующее действие как направляющие верования и императивные представления об условиях успеха. Авторитет религии и авторитет обычая сливались в одно неделимое обязательство. Стало быть, простое утверждение об эксперименте и целесообразности, приведенное выше в § 1, не выведено напрямую из действительных случаев, а является продуктом анализа и умозаключения. Нужно также добавить, что честолюбие и страх перед духами создали нужды, которые человек пытался удовлетворить так же старательно, как и голод или потребность в семье. Народные обычаи так же возникали из первых, как и из последних (см. § 9).

7. Все истоки теряются в тайне. Против этого постулата о способе появления обычаев, в силу содержащегося в нем элемента умозаключения, нечего возразить. Все истоки теряются в тайне, и, видимо, напрасны всякие надежды на то, что покров тайны с происхождения обычаев удастся когда-то сбросить. Мы входим в поток истории и доходим до предельной точки, когда можно что-либо выяснить о ее ходе. Дальше, за границей самой отдаленной заметности хода исторического потока, мы вынуждены окунуться в полную темноту. С этим нам приходится иметь дело при изучении капитала, языка, семьи, государства, религии, прав. Нам не суждено узреть зарождение любой из этих вещей. Всегда только продукты и результаты. Обычаям и привычкам что-то предшествовало, но нам не дано найти и увидеть первые звенья этой цепи. Только путем анализа и умозаключения мы можем составить какое-то представление о «началах», которые нам так хотелось бы знать.

9. Удача и неудача; жизненные невзгоды; добродетель и счастье. В природе есть многочисленные силы роста, или созидания, и разрушения. Интересы человека размещаются между теми и другими и могут поддерживаться или попираются ими. Надо правильно знать те и другие, чтобы получить преимущества и избежать ущерба. Пока это знание не станет адекватным, следствия, с которыми человек сталкивается, кажутся ему случайностями, делом везения. В природе нет бережливости. Скорее расточительность. Человеческие интересы требуют бережливости, отбора и сохранения. Капитал – это состояние, предшествующее всяким приобретениям в безопасности и могуществе, а он создается отбором и бережливостью. Ему угрожает все, что губит материальные блага. Следовательно, капитал – это существенное средство вобретении человеком могущества над природой, и он предполагает чистейшее понятие способности интеллекта отбирать процессы природы и распоряжаться ими для человеческого благополучия. Все старейшие усилия в этом направлении были неуклюжими промахами. Люди отбирали вещи, стоившие желания и сохранения, под влиянием тщеславия и предрассудков и неверно понимали пользу и интерес. Ошибки входили в их народные обычаи, образовывали их часть и оберегались ими. Ошибка, случай и везение казались единственным смыслом, который есть в примитивной жизни. Только знание ограничивает их власть и, по крайней мере, меняет масштаб и форму их владычества. Примитивные народные обычаи отмечены непредусмотрительностью, расточительностью и беззаботностью, из которых постепенно, мучительно и с потерями, по мере того как накапливается опыт и растет знание, отдающее предпочтение лучшим методам, развиваются благоразумие, дальновидность, терпение и непоколебимость. Последствия ошибки и следствия везения всегда смешивались. Как мы видели, жизненные невзгоды связывались с недовольством духов. *Per contra*, поведение, согласующееся с волей духов, было добродетелью и, как считали, приносило блаженство и процветание. Так в веру людей вошло соответствие между добродетелью и счастьем, и на этом соответствии выстроилось искусство счастья. Оно состояло в неукоснительном выполнении обрядов поклонения по отношению к вышестоящим силам и в использовании удачных времен, мест, слов и т.д. при избегании неудачных. Все нецивилизованные люди требуют и ожидают особой реакции на это. В той мере, в какой они ее не получали, – а искусство счастья всегда промахивалось с результатами – великий вопрос всей мировой философии всегда

звучал так: «Какова реальная связь между счастьем и добродетелью?» Только считанные поколения назад люди нашли в себе смелость сказать, что таковой нет. Вся сила представления о том, что они связаны, заключена в противоположном опыте, доказывающем, что никакие плохие дела счастья не приносят. Старейшая религиозная литература состоит из формул почитания и молитв, при помощи которых преданность и послушание должны были доставить убажнение богам и добиться их благосклонности и процветания для людей¹. Слова «плохо» и «зло» никогда еще не были избавлены от двусмысленности, смешивающей греховность с бедой. Эти две идеи доходят до нас в связке или в сочетании. Именно обряды были объектом традиции, а не идеи, которые в них воплощались².

12. Традиция и ее ограничения. Очевидно, что в любой примитивной группе «обычаи» старших и более опытных членов общества пользуются большим авторитетом. Мы обнаруживаем, что этот рациональный авторитет порождает обычаи почтения и этикета по отношению к старшим. Старшие, в свою очередь, строго следуют традиции и примеру своих предшественников. Таким образом, традиция и обычай переплетаются друг с другом, становясь могущественным принуждением, направляющим общество на проторенные пути и удушающим всякую свободу. Дети видят, как их родители постоянно подчиняются одному и тому же обычаю, повинуются одним и тем же людям. Они видят, что старшим разрешается говорить обо всем, что, когда в дом входит посторонний, все домочадцы приветствуют его согласно рангу и в установленном порядке. Все это становится для детей правилом и помогает придать всем примитивным обычаям свойственную им стереотипную форму. «Фиксированные способы смотреть на вещи, прививаемые воспитанием и племенной дисциплиной, – это осадок старого культурного развития, и в своем непрерывном действии они слу-

¹ Rogers R.W. A history of Babylon and Assyria. – New York: Eaton & Maines, 1901. – Vol. 1. – P. 304; Jastrow M., jr. Religion of Babylonia and Assyria // Dictionary of the Bible / ed. by J. Hastings. – New York: Charles Scribner's sons, 1904. – P. 554.

² Pietschmann R. Geschichte der Phoenizier. – Berlin: G. Grote'sche Verlagsbuchhandlung, 1889. – S. 154.

жат индейцу моральным якорем, хотя это также и оковы, сдерживающие его индивидуальную волю»¹.

13. Понятие «примитивного общества»; мы-группа и они-группа. Понятие «примитивное общество», которое нам надлежит сформулировать, обозначает небольшие группы, рассеянные по территории. Размер этих групп определяется условиями борьбы за существование. Внутренняя организация каждой группы соответствует ее размеру. В рамках более широкой группы между составляющими ее группами могут быть узы (родственные, соседские, союзнические, брачные и торговые), связывающие их воедино и отличающие их от других. Так возникает дифференциация между нами, мы-группой, или ин-группой, и всеми прочими, т.е. они-группами, или аут-группами. Люди, состоящие в мы-группе, находятся друг с другом в отношениях мира, порядка, права, управления и промышленности. Их отношения со всеми аутсайдерами, или они-группами, являются отношениями войны и грабежа, если только не модифицированы какими-нибудь соглашениями. Если группа экзогамна, то женщины в ней родом из каких-то других мест. Прочие чужаки, которых можно в ней обнаружить, – это принятые под опеку лица, гостящие друзья и рабы.

14. Чувства в мы-группе и по отношению к они-группе. Отношение товарищества и мира в мы-группе и отношение вражды и войны с они-группами соотносятся друг с другом. Именно нужды войны с чужаками создают мир внутри, иначе внутренний разлад ослабил бы мы-группу для войны. Кроме того, эти нужды создают в мы-группе правительство и право, дабы не допускать раздоров и добиваться дисциплины. Таким образом, война и мир реагировали друг на друга и развивали друг друга, один внутри группы, а другая – в межгрупповых отношениях. Чем ближе соседи и чем они сильнее, тем интенсивнее война и, следовательно, крепче внутренняя организация и дисциплина в каждой из групп. Чувства производятся соответственно. Преданность группе, принесение жертв ради нее, ненависть и презрение к аутсайдерам, братство внутри, воинственность вовне – все это вырастает вместе, все это общие продукты одной и той же ситуации. Эти отношения и чувства образуют социальную философию. Она освящается свястью с религией. Люди из другой группы – это аутсайдеры, с предками которых воевали предки мы-группы. Духам последней будет

¹ Sapper K. Der Charakter der mittelamerikanischen Indianer // Globus. Illustrierte Zeitschrift für Länder- und Völkerkunde. – 1905. – Bd. 87, N 7. – S. 128.

приятно видеть, как их потомки продолжают борьбу, и они будут им помогать. Доблесть состоит в убиении, ограблении и порабощении чужаков.

15. Этноцентризм. Это специальный термин для обозначения такого взгляда на вещи, в котором собственная группа является центром всего, а все прочие оцениваются и ранжируются в соотношении с ней. Народные обычаи соответствуют ему, охватывая как внутренние, так и внешние связи. Каждая группа делеет свою гордость, тешит свое тщеславие, хвастливо ставит себя превыше всего, превозносит своих богов и с презрением смотрит на чужаков. Каждая считает свои народные обычаи единственно правильными, а если замечает, что у других групп другие обычаи, то это вызывает в ней только презрительные насмешки. Из этих различий проистекают оскорбительные эпитеты. «Свиноед», «коровоед», «необрезанный», «тараторы» – вот эпитеты презрения и отвращения. Тупи обзывали португальцев из-за их штанов с помощью насмешливого эпитета, описывающего птиц с перьями вокруг лап¹. Для наших целей здесь важнее всего то, что этноцентризм заставляет людей превозносить и усиливать все, что специфично для их обычаев и отличает их от других. Следовательно, он служит укреплению народных обычаев.

16. Иллюстрации этноцентризма. Папуасы в Новой Гвинее разбиты на деревни, удерживаемые в раздельности враждебностью, каннибализмом, охотой за головами и расхождениями в языке и религии. Каждая деревня интегрирована собственным языком, религией и интересами. Группа деревень иногда объединяется в ограниченное единство коннубиумом. Жена, взятая из данной групповой единицы, имеет полный статус; жена, взятая извне ее, его не имеет. Мелкие групповые единицы являются мирными группами внутри и враждебны по отношению ко всем аутсайдерам². Мбайя в Южной Америке верили, что их божество велело им жить, ведя войны с другими, забирая их жен и имущество и убивая их мужчин³.

¹ Martius C.F.P. von. Beiträge zur Ethnographie und Sprachenkunde Amerikas zumal Brasiliens. – Leipzig: Friedrich Fleischer, 1867. – S. 51.

² Krieger M. Neu-Guinea. – Berlin: Alfred Schall Verlagsbuchhandlung, 1899. – S. 192.

³ Tylor E.B. Anthropology: an introduction to the study of man and civilization. – London: Macmillan and Co., 1881. – P. 225.

17. Когда карибов спрашивали, откуда они пришли, они отвечали: «Мы единственные люди»¹. Значение названия «кайова» – «настоящие, или основные люди»². Лаппы называют сами себя «людьми», или «человеческими существами»³. Гренландские эскимосы думают, что европейцы были посланы в Гренландию научиться добродетели и хорошим манерам у гренландцев. Высшей формой похвалы европейца у них служит то, что он так же хорош, как гренландец, или вот-вот таковым станет⁴. Тунгусы называют себя «людьми»⁵. Как правило, обнаруживается, что естественные народы называют себя «людьми». Другие являются чем-то другим – возможно, не определенным точно, но это не настоящие люди. В мифах происхождение собственного племени – это происхождение подлинного человеческого рода. Другие не принимаются в расчет. Айны выводят свое название из имени первого человека, которого они почитают как божество. Очевидно, это имя бога производно от названия племени⁶. Когда название племени имеет другой смысл, оно всегда хвастливо или надменно. Название «овамбо» – это испорченное самоназвание племени, означающее «богатые»⁷. К числу народов мира с особенно примечательным этноцентризмом относятся сери Нижней Калифорнии. Они соблюдают установку подозрительности и враждебности ко всем аутсайдерам, и браки с чужаками у них строго запрещены⁸.

18. Евреи делили все человечество на самих себя и гоев. Они были «избранным народом». Греки и римляне называли всех аут-

¹ Martius C.F.P. von. Op. cit. – S. 51.

² Fourteenth annual report of the Bureau of Ethnology to the secretary of the Smithsonian Institution, 1892–1893. – Washington: Government printing office, 1896. – Part 2. – P. 1078.

³ Wicklund K.B. Om lapparna i Sverige. – Stockholm: Albert Bonnier, 1899. – S. 5.

⁴ Fries Th.M. Grönland, dess natur och innevånare: eftan äldre och nyare författares skildringar samt egen erfarenhet. – Upsala: Esaias Edquist, 1872. – S. 139.

⁵ Hiekkish C. Tungusen: eine ethnologische Monographie. – St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1897. – S. 48.

⁶ Hitchcock R. The Ainos of Yezo, Japan // Report of the National Museum for 1890. – Washington: Government printing office, 1892. – P. 432.

⁷ Ratzel F. The history of mankind. – London: Macmillan and Co., 1896. – Vol. 2. – P. 539.

⁸ Seventeenth annual report of the Bureau of Ethnology to the secretary of the Smithsonian Institution, 1895–1896. – Washington: Government printing office, 1898. – Part 1. – P. 154.

сайдеров «варварами». В трагедии Еврипида «Ифигения в Авлиде» Ифигения говорит, что поистине греки должны владычествовать над варварами, а не наоборот, потому что греки свободные, а варвары – рабы. Арабы считали себя благороднейшим народом, а всех других – более или менее варварскими¹. В 1896 г. китайский министр образования и его советники выпустили руководство, в котором содержалось такое утверждение: «Сколь велика и славна Китайская империя, срединное царство! Она крупнее и богаче всех в мире. Все величайшие в мире люди вышли из срединного царства»². Повсюду в литературе всех государств встречаются эквивалентные утверждения, пусть и не столь наивно выраженные. В русских книгах и газетах говорится о цивилизующей миссии России, и точно так же в книгах и журналах Франции, Германии и Соединенных Штатов цивилизующая миссия этих стран полагается и подразумевается как нечто само собой понятное. Каждое государство ныне считает себя лидером цивилизации, самым лучшим, самым свободным и самым мудрым, а все прочие – низшими. В последние годы наш обыватель научился классифицировать всех иностранцев латинского происхождения как «даго», и слово «даго» стало презрительным эпитетом. Все это случаи этноцентризма.

19. Патриотизм – это чувство, относящееся к современным государствам. Оно выступает как противоположность средневековому понятию соборности. Патриотизм – это лояльность гражданской группе, к которой человек принадлежит от рождения, или иным групповым узам. Это чувство товарищества и сотрудничества во всех чаяниях, трудах и страданиях группы. Средневековая соборность сделала бы всех христиан ин-группой и настроила бы их на враждебное отношение ко всем магометанам и иным нехристианам. Она никогда не могла быть реализована. Когда сформировались и обрели контроль над общественными интересами великие современные государства, групповые чувства стали производиться в связи с этими государствами. Люди охотно откликались на запрос о поддержке и помощи со стороны института, который мог служить и действительно служил их интересам. Государство оттянуло к себе лояльность, которая отдавалась людям (лордам), и ста-

¹ *Kremer A. von. Culturgeschichte des Orients unter des Chalifen.* – Wien: Wilhelm Braumüller, 1875. – Bd. 2. – S. 236.

² *Bishop I.B. Korea and her neighbors: a narrative of travel, with an account of the recent vicissitudes and present position of the country.* – New York; Chicago; Toronto: Fleming H. Revell Company, 1897. – P. 438.

ло объектом того группового тщеславия и антагонизма, которые были этноцентрическими. Для современного человека патриотизм стал одной из первейших обязанностей и одним из благороднейших чувств. Это то, что он должен государству за то, что оно делает для него, а государство для современного человека – это кластер гражданских институтов, от которых он получает безопасность и условия благополучия. Массы всегда патриотичны. Для них старые этноцентрические ревность, тщеславие, свирепость и амбиции – сильнейшие элементы патриотизма. Такие чувства легко будятся в толпе. Они наверняка будут популярными. Более широкое знание всегда доказывает, что они не основываются на фактах. То, что мы хорошие, а другие плохие, никогда не бывает истинным. Благодаря истории, литературе, путешествиям и науке люди становятся космополитичными. Избранные классы всех государств становятся ассоциированными; их связывают взаимные браки. Дифференциация по государствам утрачивает значение. Все государства дают одни и те же безопасность и условия благополучия всем. Стандарты гражданских институтов одинаковы или стремятся стать таковыми, и предметом гордости в каждом государстве становится предложение гражданского статуса и возможностей, равных наилучшим. Каждая группа какого угодно рода требует от каждого своего члена, чтобы он помогал защищать групповые интересы. Каждая группа стигматизирует любого, кто дает слабину в рвении, труде и жертвах ради групповых интересов. Таким образом, чувство лояльности группе или главе группы, столь сильное в Средние века, сохраняется, насколько возможно, в отношении современных государств и правительств. Сила группы также используется для навязывания обязательств преданности групповым интересам. Отсюда вытекает недопущение оценочных суждений и замалчивание критики.

20. Шовинизм. То, что патриотизм может вырождаться в порок, демонстрируется самим изобретением названия для этого порока: шовинизм. Так называется хвастливое и свирепое групповое самоутверждение. Оно отменяет личную рассудительность и характер и отдает всю группу на милость правящей в данный момент клики. Оно создает власть паролей, кличей и лозунгов, подменяющих разум и совесть в детерминации поведения. Патриотический перекося – признанная перверсия мышления и суждения, от которой наше образование должно нас оберегать.

21. Борьба за существование и жизненная конкуренция; антагонистическое сотрудничество. Борьба за существование

должна осуществляться в жизненных условиях и связке с жизненной конкуренцией. Жизненные условия включают изменчивые элементы среды, обеспеченность материалами, необходимыми для поддержания жизни, трудности в их эксплуатации, состояние ремесел, а также физиографические, климатические, метеорологические и прочие обстоятельства, благоприятные для жизни или, наоборот, ей мешающие. Борьба за существование – это процесс, в котором участвуют индивид и природа. Индивид втянут в процесс, посредством которого он добывает из своей среды все необходимое для сохранения своего существования. В жизненной конкуренции участниками являются люди и другие организмы. Люди борются друг с другом, а также с флорой и фауной, с которыми они связаны. Жизненная конкуренция – это соперничество, антагонизм и взаимное вытеснение, в которое индивид втягивается наряду с другими организмами в силу собственных попыток отстоять в борьбе свое существование. Следовательно, именно жизненная конкуренция является общественным началом, и именно она создает общественную организацию. Численность присутствующих и конкурирующих – еще одно из жизненных условий. В одном и том же месте в одно и то же время жизненные условия одинаковы для некоторого множества присутствующих в них людей, и перед ними стоят одни и те же проблемы жизненной политики. Это еще одна из причин того, что попытки удовлетворения интереса становятся массовыми явлениями и увенчиваются народными обычаями. Индивид и социальные элементы всегда взаимодействуют друг с другом, когда есть некоторое множество присутствующих. Когда кто-то пытается вести с природой борьбу за существование, тот факт, что то же самое в этой же среде делают и другие люди, становится для него существенным условием. Тогда появляется альтернатива. Либо он и другие мешают друг другу настолько, что все терпят поражение, либо они могут соединить усилия в борьбе с природой и за счет сотрудничества возвысить их до высочайшей мощи. Этот последний метод – промышленная организация. Кризис, рождающий ее, постоянно повторяется снова, и людям приходится поднимать организацию на уровень большей сложности и нарастающей мощи, и так без предела. Интересы – это связи действия и реакции между индивидом и жизненными условиями; через эти связи совершается эволюция индивида. Эта эволюция, пока она протекает успешно, есть благополучная жизнь, и она ведет к самореализации индивида, ибо каждого можно представить способным осуществить какую-то карьеру и достичь неко-

торого характера и состояния могущества путем развития тех предрасположенностей, которыми он обладает. Было бы, однако, ошибкой предполагать, что вся природа – хаос войны и конкуренции. Комбинация и кооперация столь фундаментально необходимы, что даже в низших формах жизни обнаруживаются симбиоз, взаимозависимость и взаимопомощь. Комбинация может существовать там, где каждому из его членов иначе грозила бы гибель. Конкуренция и комбинация – две формы жизненной связи, пронизывающие собой все органические и сверхорганические сферы. Пренебрежение этим фактом ведет ко многим социалистическим ошибкам. Комбинирование – суть организации, а организация есть великий механизм умножения силы множеством неравных и несхожих единиц, связанных ради достижения общей цели. Макги говорит о пустыне Папагерия на юго-западе Аризоны, что «большая часть растений и животных пустыни обитают вместе в гармонии и взаимной поддержке [которую он детально показывает], ибо их силы направлены не столько друг против друга, сколько против суровых природных условий, проистекающих из недостатка воды. Это сообщество не подразумевает потери индивидуальности... растения и животные и впрямь характеризуются большей индивидуальностью, чем выраженная в регионах, где выживание вида меньше зависит от сохранения индивидов»¹. Исходя из этого, он говорит о «солидарности жизни» в пустыне. «Цереус – чудовище и фактически, и на вид, продукт скрещивания между растением и животным, вероятно, зависящий в своей форме жизненной истории, если не в самом своем существовании, от своих комменсалов»². Сери защищают пеликанов от самих себя частичным табу, которое не понимается. Видимо, они не могли уважить период размножения, или установить сезон запрета на охоту, но при этом питали такую страсть к этим птицам и их яйцам, что быстро истребили бы их, если бы не было никаких ограничений. Эта комбинация была удачно названа антагонистическим сотрудничеством. Оно состоит в таком сочетании двух лиц или групп для удовлетворения крупного общего интереса, при котором мелкие антагонизмы интересов, которые существуют между ними, подавляются. В

¹ McGee W.J. The beginning of agriculture // American anthropologist. – 1895. – Vol. 8, N 4. – P. 365.

² Ср. также: Seventeenth annual report of the Bureau of ethnology to the secretary of the Smithsonian institution, 1895–1896. – Washington: Government printing office, 1898. – Part 1. – P. 190.

пустыне растения и животные соперничают в борьбе за воду, но комбинируются друг с другом, словно руководствуясь разумной целью обеспечить максимум жизни, возможный в таких условиях. Есть множество случаев, когда животные сотрудничают таким же образом. Наши фермеры подводят ворон и малиновок под защитительное табу, поскольку эти птицы уничтожают насекомых. Эти птицы также портят посевы и плоды, но это терпят ввиду той службы, которую они приносят. Мадам Помроль говорит о жителях Сахары, что горожане и кочевники – враги по касте и расе, но по интересу союзники. Кочевникам нужны прибежище и кров. Горожанам нужны посланники и перевозки. Отсюда узы договора, ссоры, битвы, набеги, возмездия и примирения ради общих грабительских предприятий¹. Антагонистическое сотрудничество – самая продуктивная форма комбинации в развитой цивилизации. Не замечать мелких антагонизмов, дабы сообща трудиться во имя великих интересов, – высокое проявление разума. Политические партии постоянно вынуждены это делать. В искусстве государственного мужа это постоянная политика. Разница между большими партиями и фракциями в любой парламентской системе первоначально важна; эта разница состоит в том, что партии могут подавлять небольшие различия и комбинироваться ради того, что они считают существенным для общественного благополучия, тогда как фракции делятся и подразделяются на основе мелких разногласий. Поскольку подавление мелких разногласий означает подавление эмоционального начала, иная же политика потворствует узким вопросам, в отношении которых чувства всегда наиболее интенсивны, то первая политика допускает гораздо меньше разгула чувств и страстей.

22. Голод, любовь, честолюбие и страх. Есть четыре великих мотива человеческого поведения, вступающих в игру, когда некоторое множество людей оказывается помещено в одни и те же жизненные условия. Это голод, половая страсть, честолюбие и страх (перед призраками и духами). В основе каждого из этих мотивов лежат интересы. Жизнь состоит в удовлетворении интересов, ибо «жизнь» в обществе – это карьера действий и усилий, направленных на материальную и социальную среду. Как бы ни были велики ошибки и заблуждения, включающиеся в эти усилия, целью всегда является выгода и польза. Усилия идут в параллель-

¹ Pommerol J. Une femme chez les Sahariennes (entre Laghouat et In-Salah). – Paris: Ernest Flammarion, 1900. – P. 105.

ных направлениях, ведь условия и интересы одинаковы. Ныне признано – и, может быть так оно и есть, – что люди унаследовали от своих диких предков психофизические особенности, инстинкты и сноровку, или по крайней мере предрасположенности, которые оказывают им помощь в решении проблем, связанных с добычей пропитания, сексуальным общением и честолюбием. В итоге возникли массовые явления, течения сходства, сближения и взаимного обогащения; и отсюда выросли народные обычаи. Эти обычаи неосознанны, спонтанны и несогласованы. Никогда не известно, кто их изобрел, хотя нужно верить, что во все времена верховодил талант. Теперь народные обычаи возникают все время. В пору конных экипажей существовали обычаи, приспособленные к этому способу передвижения. Ныне трамваи создали в городах обычаи, соответствующие новому способу транспортировки. Телефон создал обычаи, которые не были никем ни изобретены, ни навязаны, но устроены так, чтобы с удобством удовлетворять интересы, сопряженные с пользованием этим аппаратом.

23. Процесс создания обычаев. Хотя процесс создания обычаев можно видеть во все времена, анализ этого процесса крайне труден. По-видимому, существовал некий «разум» толпы, отличный от умов отдельных индивидов, ее составляющих. Некоторые и в самом деле приняли такую доктрину. Путем самовнушения более сильные умы создают идеи, которые затем, войдя в оборот, переходят от ума к уму. Действия, созвучные этим идеям, находят подражание. Между человеком и человеком происходит взаимный обмен. Это и есть процесс развития. Новые предложения разносятся все дальше. Они воплощаются в деле. Они совмещаются с тем, что уже существовало. Каждый новый шаг множит число примеров, за которые другие люди могут ухватиться. Видимо, именно так производятся великие изобретения. Знание завоевывалось и разносилось этим процессом. Словно в толпе есть какая-то мистическая сила, превосходящая сумму сил ее членов. Для объяснения этого явления, однако, достаточно будет заметить, что есть сотрудничество и постоянное внушение, которое очень продуктивно, когда действует в толпе, поскольку оно извлекает скрытую силу, концентрирует то, что иначе было бы рассеянным, подтверждает и исправляет то, что нами предпринимается, устраняет ошибки и созидает путем комбинирования. Поскольку выгоды от коллективной деятельности полностью объясняются этой точкой зрения, то теории *Völkerpsychologie* следует за ненадобностью отвергнуть.

Народные обычаи на протяжении всей истории цивилизации возникали из описанного процесса.

Некоторого внимания требуют явления внушения и внушаемости, ибо члены группы непрерывно воздействуют ими друг на друга, и крупные массовые явления очень часто объясняются ими.

*Пер. с англ. В.Г. Николаева**

(Продолжение следует)

* Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; vnik1968@yandex.ru

Nikolaev Vladimir Gennad'evich – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; vnik1968@yandex.ru

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал
Серия 11

СОЦИОЛОГИЯ
2025 № 2

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор Д.Г. Валикова

Подписано к печати 06.08.2025 г.

Формат 60×84/16

Цена свободная

Усл. печ. л. 9,75

Уч.-изд. л. 8,6

Тираж 800 экз.

Заказ №

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: (925) 517-36-91
e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, к. 6